

*Из воспоминаний
бывшей несовершеннолетней узницы
Лецинской Софии Тихоновны*

«Я, Лецинская София Тихоновна, родилась 14 августа 1929 года в д.Надейковичи Рогачёвского района Гомельской области. В семье у нас было трое детей. В 1938 году умерла моя мама в 36-летнем возрасте. Я была старшая, а два братика помоложе меня. Через год папа привёл в дом мачеху. И мы узнали, что такое жить без мамы. Благодарны только своему папе, который смотрел нас и всегда защищал.

Всё самое страшное началось во время Великой Отечественной войны. Голод, холод, чувство страха переживали каждый день. Зима 1943-44 гг. была для нас самой суровой и страшной. Немцы уже отступали и не считались ни с кем и ни с чем. В декабре нас выгнали фашисты из нашего дома, сами разместились там, а мы жили в неотопливаемой кладовке, где хранились картофель и овощи. А потом не пустили и в кладовую. И мы в январские морозы, февральские метели жили в сарае, ночевали в соломе. В это время заболел мой младший братик и умер. Фашисты не разрешили его завести на кладбище, чтобы там похоронить. Похоронили его на своём огороде. А когда немцы этой части отступили, то откапали его и перехоронили на кладбище.

24 апреля 1944 года ранним утром немцы окружили нашу деревню, выгнали всех из домов за пределы деревни, построили в колонну и по списку, составленному старостой деревни, отправляли в другую колонну, куда попала и я с папой. Брат с мачехой остались, а нас с папой и другими жителями деревни погнали в соседнюю деревню Красный Берег и поместили в какие-то бараки. Там народу было битком набито, спали сидя, даже ноги не было где протянуть. Сидели мы здесь двое суток, а потом подошёл товарный состав, нас загнали в вагоны и повезли в Бобруйск, там разместили в тюрьме – знаменитой Бобруйской крепости. Мужчин поместили в одни камеры, женщин – в другие. Здесь мы сидели дней десять. Я плакала день и ночь от страха, что меня разлучили с папой.

Условия здесь были жуткие. В камере народу много, здесь и параша стояла, и спали, и ели. Хлеб давали такой, что его невозможно было проглотить. Испечён он был из шелухи гречки, пшена и ещё какой-то примеси.

Потом опять нас погрузили в вагоны и привезли в город Браслав. Здесь мы шесть недель проходили карантин. За это время, наверное, раз пятнадцать проходили через дизкамеры.

Лагерь был обнесён колючей проволокой в два ряда, вокруг стояли вышки, где сидели немцы с автоматами. Один раз в день давали нам какой-то баланды и ни кусочка хлеба. Очень хотелось есть, а рядом было поле, засеянное шпинатом. Мы подкапывались под проволоку, чтобы попасть на это поле. Иногда это удавалось, а если часовой заметит, то били плётками столько, что и шпинат уже не нужен был.

После шести недель нас опять в товарных вагонах привезли в другое место, какой-то город был поблизости, но я уже не помню. Жили мы в бараках. Рядом была шахта, где добывали магnezит. Работали там только взрослые, нас,

малолетних, в шахту не брали. В этом месте мы были до декабря месяца. Приближался фронт. Ночью была слышна артиллерийская канонада, и мы ждали счастливого дня, когда Советская Армия освободит нас.

Но в первых числах января нас всех вывели из лагеря и до апреля месяца ежедневно с утра до вечера и в дождь, и в снег, и в мороз гнали голодных и усталых, на запад. Здесь мы пережили самое страшное и тяжёлое. Ночевали в сараях, на чердаках фабрик, в соломе, опилках, мокрые, оборванные, голодные, ноги в мозолях и ранах... Кормили один раз в день всё той же баландой. А сколько мы покормили вшей. Извините за откровение, но их у нас были не сотни, а тысячи. Тело было в ранах. Мы всё это время нигде не мылись. И так весь январь, февраль, март. Обессиленные падали, и тогда немцы пристреливали и оставляли лежать на дороге, а колонну гнали дальше. Несколько дней мы шли по территории Чехословакии. С чувством большой благодарности вспоминаю местное население. Женщины выходили на обочину дороги с полными тазами кусочков хлеба. Тот был счастлив, кто успел схватить брошенный в толпу хлеб. Конвоиры били плётками до потери сознания, а потом, лежащих пристреливали.

В начале апреля дошли мы до города Эркфурта и опять нас посадили за колючую проволоку. Здесь уже никто не работал, сидели за проволокой. Город уже часто бомбили, чьи самолёты мы не знали.

7 апреля во второй половине дня нам дали команду всем выйти на территорию лагеря. Что будет дальше, никто не знал. И вдруг видим, что в каких-то пятистах метрах движется колонна танков. Охранники нас бросили, а все взрослые кричали «Ура!». Нас освободили американцы. Позже мы узнали, что немцы собирались нас расстрелять, но не успели. А те места, где мы находились до января, должна была освободить наша Советская Армия.

В Эркфурте мы ещё находились до лета. А потом на реке Эльба проходил обмен пленными. По одну сторону моста находились наши советские граждане

разных национальностей. По другую – граждане западноевропейских стран, которых освободили наши войска. Отсчитывали сто человек советских граждан и передавали нашей армии, а с другой стороны передавали сто человек западноевропейских стран.

Потом нас привезли на территорию восточной Пруссии, откуда выселили немецкое население. Там мы работали на уборке урожая до октября месяца. Домой мы вернулись только 3 ноября 1945 года. Я пошла в школу в 5 класс. В возрасте 22-х лет окончила среднюю школу и поступила в Бобруйский учительский институт, после какого меня направили в Кленникскую среднюю школу, где и проработала учительницей белорусского языка и литературы до выхода на пенсию».

6 ноября 2005 года Лещинская София Тихоновна с мужем переехала жить в д. Николаевичи Смолевичского района, поближе к старшей дочери Галине.

4 января 2019 года Софии Тихоновны не стало.

***Из воспоминаний бывшей узницы
фашистского трудового лагеря на территории спиртзавода
в д.Задобрость Кричевского района Могилёвской области
Астапенко Ольги Григорьевны***

«Я, Астапенко Ольга Григорьевна, родилась 17 июля 1929 года в д. Сенёнка Чериковского района Могилёвской области. В семье у нас было шестеро детей. Я была младшей, старшие – три брата и две сестры. Старшие мои братья, Василий и Николай, были в Красной Армии и в 1946 году, пройдя длинными дорогами войны, вернулись домой. Сёстры, Надя и Шура, были замужем и жили в других деревнях.

27 января 1942 года на нашу деревню Сенёнку напали каратели – немцы и полицаи. Схватили моего отца, Попеля Григория и брата Володю (17 лет), а также соседа Попеля Ивана. Когда их везли к лесу на расстрел, я бежала вслед, плакала и кричала: «Папочка, Володя, я без вас жить не хочу!» Брат крикнул: «Олечка, спасайся!» Полицай навёл на меня ствол винтовки, но немец отвёл его винтовку в сторону, и пуля пролетела мимо. Отца, брата и Ивана расстреляли на опушке леса по дороге в д. Лысовка (см. приложение №1 (№52-54)). Моя мать, Мария Павловна, и мать Ивана, Мария Семёновна, наложили в мех сала и на лошади, запряжённой в сани, поехали вслед за карателями с надеждой выкупить арестованных.

Оставшиеся каратели начали выносить из нашего дома всё, что им приглянулось из вещей и погружать на сани. Потом внесли в дом сено и подожгли. Подожгли также дома Попель Романа и Попель Александры Митрофановны. Спалили пчелиные ульи. Мёд выбрали. У нас было сорок пчелиных семей.

Когда каратели уехали, моя мать и бабушка Марья на санях привезли убитых: отца, брата и Ивана. Долго стояли на улице с казнёнными, потому что дома их горели. Назавтра ямы обставили кусками досок, обложили соломой и похоронили. Гробов некому было делать, да и не из чего. Сарай остались

целыми, остались корова и кабанчик. Однако вскоре кабанчика забрали партизаны.

14 октября 1942 года другой отряд карателей, обвиняя в связи с партизанами, забирал скот и людей. Арестовали мою мать и меня, корову привязали к колёсам. Нас гнали через деревни Горки, Савиничи, Грязевец и пригнали в д.Задоброшь, что возле г.Кричева.

Назавтра нас под конвоем повели на территорию спиртзавода, которая занимала несколько квадратных километров. Там было много складских помещений. Были склады длиной до 100 метров, некоторые были двухъярусные. Верхний ярус – с большими застеклёнными окнами. Нас, человек 30, поместили в один из таких складов, здесь мы и спали, и ели. Когда мы там легли на потёртую солому, по ногам поползли вши. Корпуса зданий спиртзавода сверху были застеклены. Территория была ещё до войны обгорожена трёхметровым забором, над которым было протянуто немцами три ряда колючей проволоки. По углам на вышках сидели немцы с собаками. Комендатура размещалась в доме бывшего директора спиртзавода. В доме директора откормочного участка размещался штаб полка карателей, которыми руководил палач Бишлер. Офицеры и солдаты размещались по домам жителей.

Немцы восстанавливали спиртзавод, заставляли выполнять разные работы: скребли склады, т.е. полы, вычищали грязь, мусор. Нас, подростков, гонял на работу полицейский по имени Сергей, построив в колонну по два человека. Мальчики Антонов Володя, Посредников Петя и другие работали на конюшне. На конюшнях стояли сотни лошадей, на которых с окружающих деревень свозили зерно, муку, картофель для производства спирта. Подростки, в том числе и я, резали дрова, варили баланду в цистернах из-под спирта и в бочках. Кормили нас очень плохо. Иногда давали по кружке муки. Но обычно варили картофельные очистки с потрохами, иногда даже кишки и перья от кур были в этой баланде.

Военнопленных было очень много. Однажды мы перебирали картофель (женщины и девочки), один пленный высунул голову из барака через щель дверей – на щеке висел выбитый глаз. Он попросил воды. Когда наш конвоир отошёл куда-то, я набрала воды в консервную банку и подала солдату. В этот момент меня полицай ударил прикладом по плечу... Один раз у меня, когда нас гнали в колонне, съехал чулок, я нагнулась, чтобы подтянуть его, а конвоир стукнул меня в бедро стволом, оно опухло и долго болело. Одна женщина пыталась бежать из концлагеря, её догнали немцы с собаками. Через несколько дней другая женщина тоже хотела сбежать, но её также догнали. Нас построили и заставили смотреть, как полицай избивал её палкой, кровь выступила через одежду. Но потом полицай палкой расцарапал себе ладонь, взбесился, стал женщине на голову подкованным сапогом, крутнулся на голове: кожа с волосами оказалась на лице, а череп оголился... Потом её застрелил.

Слабых, обессиленных узников на машине отвозили в подвал цементного завода, расстреливали, а трупы сжигали в печах, где обжигали цемент.

Домой вернулась в сентябре 1943 года.

В августе 1972 года с семьёй переехала жить в д.Кленник. Работала ночной няней в школьном интернате до выхода на пенсию».

Астапенко Ольга Григорьевна значится в базе данных Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение» (квалификационная карта №290395) как пострадавшая от национал-социалистских преследований в годы Второй мировой войны (см. прилож. №2).
Умерла Ольга Григорьевна 4 ноября 2007 года.

Поздравление Астапенко О.Г. с Днём Победы, 8 мая 2007г.

Воспоминания
бывшей несовершеннолетней узницы
Боровик Александры Яковлевны

«Я, Боровик Александра Яковлевна, родилась 14 августа 1926 года в д.Дубровица Чашницкого района Витебской области. В семье у нас было двое детей: я и младшая сестра Таня (1930 г.р.). Мать рано умерла, и мы остались

жить с отцом. Через некоторое время отец привёл в дом мачеху с восьмью детьми, и мы узнали, что такое жить без мамы. Благодарны только своему папе, который смотрел нас и всегда защищал.

Деревня наша находилась среди двух лесов, в ней было 30 домов. В мае 1944 года немцы окружили нашу деревню. Всех жителей выгнали из домов на улицу и, оставив стариков и малолетних детей с матерями, остальных окружив со всех сторон собаками, погнали из деревни. Мачеха со своими детьми осталась, а меня, сестру и папу погнали. Выгнав за деревню, хотели некоторых людей расстрелять, но за них вступился староста деревни, который умел говорить по-немецки. Тогда они погнали всех нас дальше. Тридцать километров брели мы голодные и холодные. Многие падали и уже не вставали. Нас пригнали в Чашницкий лагерь. Поселили на каком-то складе фабрики отдельно женщин и мужчин. Морили голодом. Там мы пробыли месяц.

Через месяц немцы подогнали машины и стали грузить на них людей. Машины мчались на запад несколько дней и ночей. Приехали в г.Лиду. Там стоял эшелон, и нам велели садиться в вагоны. В вагон загнали столько людей, что стать было негде. Двери наглухо забили и ночью повезли нас в Германию. Все говорили, что мы едем на верную смерть.

В вагоне стояла невыносимая духота. Людей мучила жажда, а воды не было. Особенно тяжело приходилось детям. В нашем вагоне несколько детей не выдержали и умерли – наверное, задохнулись от спёртого воздуха. Когда терпеть стало невозможно, мужчины проломали в стене небольшое отверстие. Все были рады: теперь можно подышать свежим воздухом.

И вот эшелон остановился. Люди хотели выскочить из вагона, чтобы набрать воды, но немецкий конвоир так грозно прикрикнул на них, что никто не отважился этого сделать. Нам подали в консервной банке щи из квашеной капусты с червями. Снова забили двери и повезли дальше.

Привезли в г.Берлин. Там разбили по группам для работы. Я, моя сестра, две девочки с нашей деревни, одна девочка из Гомеля и одна из Смоленска попали на работу в г.Визбург к немцу (как его и его жену звали я не помню). Он имел свой большой ресторан. У него было 80 человек рабочих, не считая поваров и официантов. На первом этаже был ресторан, а на втором - шестом жил обслуживающий персонал. Жили мы на шестом этаже. В наши обязанности входило, чистить картофель и мыть посуду на кухне.

Когда нас привезли, я сильно плакала, хотела есть. Нам дали по две большие картофелины и большой кусок масла. Наевшись, я захотела пить и

пошла в туалет под кран попить воды. Немец это заметил и сказал, что пить воду из крана нельзя, а нужно пить кипячёную и он дал мне кипячёной воды. Работая на кухне, мы всегда были подвёвши. Я даже поправилась немного. Относились к нам очень хорошо.

Недалеко от ресторана находился лагерь с военнопленными. В нём было 200 человек. Мы часто налаживали в фартуки кусочки хлеба и бросали через высокий забор, а они возвращали назад нам наши фартуки. Об этом знала наша хозяйка, и говорила: «Смотрите, чтобы не увидел немецкий конвоир, а то вас и их расстреляют».

После окончания войны мы с сестрой Таней вернулись домой в 1946 году. До 1949 года работала на добыче торфа, где за работу получала хлеб и муку. А в 1949 году вышла замуж, родила 6 детей. Всю жизнь работала в колхозе на полеводстве».

В 1987 году Александра Яковлевна переехала в Кленник.

Школьники навещали и оказывали шефскую помощь Боровик А.Я. 31 октября 2012 года Александра Яковлевна умерла.

Встреча учащихся с бывшей узницей Боровик А.Я.